

АНФИСА САБИТ.
БАНДЕРКОНИ. ВЕЧЕР

Анфиса Сабит Бандеркони. Вечер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69029077

SelfPub; 2023

Аннотация

Продолжение истории об австралийской овчарке Кони. В рассказе Кони идет гулять.

Анфиса Сабит

Бандеркони. Вечер

Бандеркони. Вечер.

Фигура, шаря руками по стене в поисках выключателя, бархатно забасила: «Кони, Кони, привет».

Хотя голова и вместе с ней и вся передняя часть туловища Кони все еще застыли в недоверительной позе, вертлявая аусси-попа была готова уже исполнить радостный танец встречи со знакомцами. Голос у Фигуры был знакомый, а запах... Немножко пахло собакой, немножко котами. Собака... Конечно, пахнет ВалеЙ! Это худая охотница-полукровка, которая унаследовала от матери талант преследовать все, что движется, а от папы-проходимца склонность к забегам на дальние дистанции. Валя, если ее отпускают с поводка, возвращается не раньше, чем через час, с языком цвета черешни, висящим до земли, тяжело дыша и без всякого чувства вины.

Кони частенько завидовала ее умению бесстыдно игнорировать команды хозяина.

Кстати, о хозяине. Получается, это дядя Витя.

«Эх, держите меня семеро!»: Кони радостно затопала мелкими радостными шажками передними лапками, а задняя часть ее тела с каждым взмахом в сторону набирая все большую амплитуду, уже снесла в бешеном танце всю обувь,

стоящую в прихожей.

Дядя Витя нагнулся погладить Кони по ее пушистой голове красивой треугольной формы, но Кони, распираемая желанием в самом красивом танце выразить свою несказанную радость этой внезапной встрече, не правильно расценила жест, подпрыгнула поцеловаться и со всей силы стукнулась об лицо дяди Вити, больно ударив его своей твердой челюстью по губам.

Дядя Витя проверил целы ли его губы, приложив несколько раз пальцы ко рту, потом взял лежащий на стульчике ошейник с поводком и начал одевать его на Кони.

«Да что такое, Кони, маловат твой ошейник. Мамка тебя совсем не жалеет».

«Эх, дядя Витя, поживи столько лет со мной, сколько мама, тогда ты сам узнаешь, что собака с немножко тесным ошейником, лучше, чем сбежавшая собака под колесами машин. Ведь при всей моей воспитанности, я могу со страху от звуков петард вырваться из ошейника, и побежать, не помня себя. Ведь сколько было случаев, когда бедные собачки, испугавшись внезапного хлопка, бегут куда глаза глядят, а потом не могут вспомнить дорогу обратно. Вот я тоже один раз убежала, я хотела спрятаться дома и побежала к подъезду. Но подъезд-то я перепутала, это хорошо, что домом еще не ошиблась и ни в одну открытую подъездную дверь не забежала. Как бы меня потом мама отыскала?! Тогда все обошлось. Мама быстро нашла меня и долго целовала меня в

глаза и в носик, и прижимала к себе сильно-сильно».

Кони с дядей Витей вышли в подъезд и помчались вниз по лестнице. «Странно все это, почему не на лифте», – подумала Кони. Но очень скоро они оказались на улице и лапы, встав на сугроб, дали команду мышцам расслабиться.

Дождавшись завершения первого акта облегчения, дядя Витя вдруг быстро пошел вдоль парка в сторону поля.

«Ну что же – подумала Кони, – маршрут знакомый». Там, в кустах, далеко от парка, она исполнит финальный акт.

А дальше можно погулять, поискать протухшие косточки.

«А вот интересно, – думала Кони, – можно дядю Витю обмануть? Сделать вид, что я хочу играть, а потом, когда он отпустит с поводка, сбежать за чем-нибудь вкусеньким».

Пока шли к краю поля, Конин нос заметил уже несколько заначек.

Дойдя до края парка, Кони ждала привычного прикосновения к ошейнику, который предоставит ей свободу для обследования ближайших кустов, но дядя Витя медлил, и только длиннее отпустил собранный в руке поводок.

«Гуляй, Кони».

«Ах, вот как, дядя Витя», – подумала Кони. – Рушишь планы несчастной собаки на вкусный ужин с деликатесами с плесенью. Ну, тогда держись!»

Кони дернула в сторону, отходя все дальше и дальше от плотной, протоптанной снежной тропинки в кусты. Дядя Витя не удержался, так и проварился одной ногой в снег.

«Есть!» – подумала Кони, все еще надеясь, что дядя Витя уступит ее целеустремленности и свободолюбию.

Но дядя Витя был непреклонен и сильной рукой потянул поводок к себе. Кони не оставалось ничего, как с обиженной мордой вылезти из кустов.

«Педант, – подумала Кони – соблюдает мамины инструкции».

Вернувшись обратно на тропинку, Кони начала придумывать, как еще можно заставить дядю Витю отцепить поводок.

Можно театрально упасть на тропинку и начать валяться, перекатываясь с одного бока на другой, в самом начале согнув шею как в прыжке с трамплина в воду. Надо сказать, что шероховатая поверхность снега манила Кони с первых дней зимы, когда он еще только тонкой паутинкой закрывал дощечки мостиков в парке, и до последних весенних не оттаявших до конца грязных островков когда –то белых куч.

Кони так и сделала: изящно согнув шею, уткнулась носом в снег и перекатившись через голову, легла на позвоночник, выставив полусогнутые лапки вверх. Перевалившись несколько раз справа налево и обратно, и подрыгав ногами, задержавшись в центре, Кони упала на правый бок, подняла глаза на дядю Витю и посмотрела максимально просительно и ласково, как только умела. Тот умиленно наблюдал за ней, наклонился, потрепал по спинке и немножко подтянув поводок, сказал: «Вставай, Кони, пойдем домой».

Двести метров до дома Кони шла медленно, пытаясь об-

нюхать все следы, оставленные до нее ее собратьями.